

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТРУДАХ БЕЛОРУССКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ ИСТОРИКОВ: АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД ИЛИ ОПРАВДАНИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА?

С. В. Чернов

Белорусско-Российский университет
г. Могилев, Беларусь

Последние десятилетия стали временем, когда возникают различные альтернативные советской историографии исторические концепции, касающиеся Второй мировой и Великой Отечественной войн. Не стала исключением и независимая Республика Беларусь – здесь также появились авторы, демонстрирующие, мягко говоря, необычные взгляды на историю войны и немецкой оккупации БССР в 1941–1944 гг. В частности, подобные взгляды можно найти в книге «История имперских отношений. Беларусь и русские. 1772–1991» (здесь и далее в цитатах – орфография подлинника), составителем, переводчиком и «научным» редактором которой является А. Е. Тарас – небезызвестный ныне любитель ниспровергать так называемые «имперские шовинистические мифы» из белорусской истории. Данная книга также посвящена «развенчиванию мифов», в чем Тарасу помогают не только автор введения журналист Вадим Деружинский, знаменитый своими псевдоисторическими опусами, но и профессор, доктор исторических наук Захар Шибeka – автор основного текста.

Этот текст разделен на три части – «Беларусы в тени двуглавого орла», «Беларусы в эпоху «революционного большевизма» и «Беларусы в эпоху «либерального социализма».

Периоды ВОВ посвящены два раздела из второй части – «Германо-советская война (июнь 1941 г. – сентябрь 1943 г.)» и «Завершение германо-советской войны (сентябрь 1943 г. – май 1945 г.)». Уже сами заголовки этих разделов весьма характерны – не «Великая Отечественная», а всего только «германо-советская» война. Рассмотрение их содержания показывает, что такая игра слов отнюдь не случайна.

Уже первые абзацы показывают желание автора «по-новому» взглянуть на знакомую всем историю ВОВ. В пункте «Захват нацистами Беларуси», с которого начинается первый из относящихся к теме упомянутых разделов данной книги, автор сообщает, что война между СССР и Германией была неизбежна, что «оба союзника» готовились напасть друг на друга, но «Гитлер опередил» [1, с. 339]. Развития этого тезиса здесь не происходит, но невольно вспоминается еще один «ниспровергатель исторических мифов» – Владимир Резун, известный как Виктор Суворов, автор концепции о том, что Германия в июне 1941 г. всего лишь нанесла превентивный удар по агрессивно настроенному Советскому Союзу, опередив его буквально на несколько недель.

Дальнейшее также весьма характерно. Оказывается, «внезапный мощный удар» вызвал «панику» среди красноармейцев, поскольку «молодых командиров не учили обороняться» и наделили правом «только наступать», а опытных офицеров выкосили репрессии [1, с. 339]. Абзацем ниже, впрочем, упоминается «героическое сопротивление отдельных частей РККА», которое, тем не менее, не могло помешать немцам непрерывно двигаться вперед, взять 28 июня Минск, окружить западнее Минска основные силы Белорусского военного округа и захватить более 60 окружных складов «в целости и сохранности», а также уничтожить до 400 тыс. солдат Красной армии в боях. После этого сказано только, что к концу августа вся территория БССР была занята немцами [1, с. 339]. Как видно, о героическом сопротивлении многих частей Красной армии, тех же погранзащит, Брестской крепости, Могилева и других автор не счел нужным упомянуть – своей задачей он ставил демонстрацию ничтожности действий Красной армии начального периода «германо-советской» войны с некоторыми исключениями в виде «героического сопротивления отдельных частей» – исключениями, которые, как известно, лишь подтверждают правило. Правда, непонятно, как же тогда был сорван гитлеровский план «Барбаросса», если в Красной армии в массе царил паника, а большинство командиров не умели толком обороняться.

Далее автор пишет об «отправке» 1,5 млн человек на работу в Россию (так, очевидно, автор обозначил эвакуацию предприятий и населения в советский тыл) и здесь же – о мобилизации в Красную армию, в результате чего население восточной части Белоруссии сократилось более чем на треть [1, с. 340]. Весьма показательно то, что после рассказа о вывозе белорусского населения на работы в Германию автор говорит следующее: «Всего в Германию было вывезено из Беларуси до 380 тыс. человек. А в советский тыл, как уже сказано, большевики эвакуировали около 1,5 миллиона» [1, с. 347]. Это уже можно рассматривать как попытку поставить советскую эвакуацию на одну ступень с насильственным угонем населения оккупированных земель в рабство в Германию – мол, одно другого не лучше. А вывоз и уничтожение в восточных областях предприятий, скота и т. п. автор комментирует так: «Кремлевские стратеги сознательно создавали невыносимые условия не для гитлеровцев (их кормила и одевала вся завоеванная Европа), а для белорусского народа, оставшегося под немецкой оккупацией» [1, с. 340]. Здесь уже вспоминается современная украинская концепция голодомора как сознательной политики уничтожения свободолюбивого украинского народа. Считает ли З. Шибeko, что и в восточнобелорусских районах в первые месяцы войны планировалось истребить голодом белорусский народ? А если нет – то к чему в процитированном эпизоде поставлено слово «сознательно»? Впрочем, ход мыслей автора становится понятным после прочтения абзаца до конца – «Беларуский народ остался беззащитным и вынужден был искать спасение своими

силами» [1, с. 340]. Это, можно сказать, первый камень в основание оправдания автором белорусских коллаборационистов.

Рассказывая о реквизициях и грабежах со стороны оккупантов, о жестоком отношении гитлеровцев к военнопленным, о «невероятной враждебности нацистов к евреям», автор приводит выдержки из плана «Ост», по которому три четверти белорусов планировалось выселить и уничтожить и т. п., отмечая, однако, что «этот план держался в секрете даже от многих высших руководителей Третьего рейха» [1, с. 340–341]. Страницей позже следует весьма показательный пункт «Политика гауляйтера Кубе», который назван «своеобразным человеком», многие суждения и планы которого отличались от официального курса Германии, в частности – «он был убежден, что ради победы над большевизмом надо сотрудничать с беларусами», и далее – о том, что первым распоряжением Кубе открыл «беларуские начальные школы» [1, с. 342–343]. Выходит, Кубе заботился об интересах белорусского народа, пусть и в интересах победы над большевизмом. А что же, по планам того же Кубе, ожидало белорусов после войны? С учетом этого возникает идея, что З. Шибeko неслучайно указал о такой секретности плана «Ост» даже от части руководства рейха – уж не входил ли, по его мнению, в число этих непосвященных и Вильгельм Кубе? Ниже о Кубе говорится все больше в положительном духе. Так, при характеристике Белорусской народной самопомощи автор заявляет, что, способствуя ее развитию, «фактически Кубе готовил административный аппарат, который в случае необходимости мог перенять руководство у немцев» [1, с. 348], и в итоге при описании убийства Кубе причиной решения Москвы о его уничтожении выставляется его «политика поблажек беларусам». Характерно, что здесь автор упоминает известную версию о том, что СД знало о готовящемся покушении, но ничего не сделало для его предотвращения, с таким итогом: «Снова интересы нацистов и сталинистов сошлись!» [1, с. 350–351]. Вот так выходит, Кубе – последовательный борец за интересы белорусов, и даже не нацист, коль скоро нацисты вместе со сталинистами радовались его гибели. А то, что он много лет состоял в нацистской партии и пользовался доверием высших чинов рейха – конечно же, ничего не значит. В рассматриваемой книге нет даже формального упоминания о каких-либо преступлениях, приписываемых Кубе, – очевидно, это не укладывается в рамки концепции З. Шибекo.

В упомянутой книге речь идет о расколе общества во время оккупации, уточняя, что сторонниками советской власти остались в 1941 г. только «те члены компартии и комсомола и те сотрудники советских органов, которые не смогли эвакуироваться», а все остальные либо выступали против советской власти, либо «застыли в ожидании» – характерно, что не уточняется, сколько же было тех и других, но, очевидно, следует понимать, что «ожидающих» было большинство. И здесь же – о том, что опасность nazизма народ тогда еще не понимал, помнил «вполне нормальное» пове-

дение немцев в Первую мировую войну, в силу этого «сначала гражданское население надеялось приспособиться к новым хозяевам» [1, с. 341–342]. Логика здесь, конечно, есть, но нельзя не отметить то, что сторонниками советской власти, сразу вступившими в борьбу против оккупантов, объявляется незначительное меньшинство, а большинству приписываются совсем другие идеи. Причиной этого автор объявляет, что характерно, патриотизм: «Но и теперь нашлись патриоты (преимущественно из числа эмигрантов), которые не забыли о БНР и не отказались от мысли воссоздать ее», и здесь же: «Война Германии с СССР, как им казалось, дала шанс разрушить большевистскую империю руками нацистов», и далее – о создании Н. Щорсом и В. Годлевским Белорусского национального центра в Берлине, который так и не стал белорусским правительством, и о расчете В. Ивановского, Я. Станкевича и С. Гринкевича относительно того, что США и Англия в итоге победят и нацистов, и большевиков, а пока – «Немецкую же оккупацию эти патриоты хотели использовать для внедрения белорусов в местную администрацию, для развития их национального самосознания и для создания собственных вооруженных сил» [1, с. 342]. Очень напоминает попытку обмануть дьявола, как известно, заранее обреченную на неудачу. И все это – на фоне Хатыни, гетто, концлагерей и прочих «прелестей» нацистской оккупации. Автор, правда, отмечает, что деятели Белорусской рады доверия выражали недовольство репрессиями против мирного населения и даже требовали от немецких властей прекратить их, и Кубе стал на их сторону, после чего следует описание его убийства [1, с. 350], но, как известно, репрессии не прекратились, а «деятели» и «патриоты» так и продолжили служить оккупантам – видимо, их «великие» идеи будущей «независимой Беларуси» были куда привлекательнее, чем последовательная борьба с теми, кто сжигал белорусские деревни. Но для профессора Шибеки, как видно, подобные «патриоты» куда ближе, чем советские партизаны.

В указанных главах рассматриваемой книги есть и другие весьма показательные эпизоды, касающиеся сотрудничества с оккупантами, деятельности советских партизан, а также Армии Краёвой и украинских националистов, вполне укладывающиеся в озвученную канву – вывести коллаборационистов как «патриотов», но рамки данной статьи не позволяют уделить им должное место.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История имперских отношений. Беларусь и русские. 1772–1991 гг. / Сост., пер., науч. редактирование А. Е. Тараса. – 3-е изд., исправл. – Минск: ФУАинформ, 2010. – 608 с.

